

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

24 МАЯ.

№ 21

1915 ГОДА.

Р Ъ Ч Ъ

во 2-ю годовщину со дня смерти Архієпископа Анастасія, читанная въ собраніи Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета 1 мая 1915 года.

Ваше Высокопреосвященство!

Достопочтенное собраніе!

Вотъ и два года минуло, какъ не стало нашего незабвеннаго Владыки Архієпископа Анастасія. Времени прошло уже много. А кажется, какъ будто вчера, по-завчера мы видѣли его и опять увидимъ.

Такое сильное, неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на насъ Владыка Анастасій. Такъ оно должно и быть. Такія лица не забываются. Они всегда будутъ жить въ нашей памяти. И мы всегда будемъ молитвенно помянуть ихъ и вспоминать ихъ жизнедѣятельность.

И я считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось два раза читать о нашемъ незабвенномъ, блаженныя памяти Архіепископѣ Анастасіи въ полугодовщину и въ годовщину со дня его смерти.

Предметомъ моихъ рѣчей въ оба раза были, мною сдѣланныя, извлеченія изъ его дневника, каковыя, какъ я говорилъ раньше, могутъ служить лучшимъ матеріаломъ для біографіи почившаго Владыки.

Но въ тѣхъ двухъ рѣчахъ не весь исчерпанъ матеріалъ, взятый мною изъ дневника Архіепископа Анастасія.

Настоящая моя рѣчь будетъ продолженіемъ первыхъ двухъ рѣчей. Начну свою рѣчь объ учебныхъ заведеніяхъ.

„1899 г. 26 сентября 150-лѣтній юбилей Воронежской Духовной Семинаріи, пишетъ въ своемъ дневникѣ Архіепископъ Анастасій.

По случаю юбилея служилъ въ семинарской церкви съ 9-ти до 12½ часовъ, кончилъ благодарственнымъ молебномъ Господу Спасителю и Апостолу Іоанну Богослову съ многолѣтіями. Пѣли два хора: архіерейскій и семинарскій. Проповѣдь хорошую говорилъ священникъ о. Симеонъ Замахавъ.

Въ 1-й часъ дня въ семинарскомъ залѣ былъ актъ по особой программѣ, продолжавшійся съ рѣчами и привѣтствіями два часа. Привѣтствія начаты телеграммою Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской. Послѣ рѣчи, говоренной мною, благословилъ Семинарію, въ лицѣ о. Ректора Протоіерея А. М. Спасскаго, иконой Господа Вседержителя въ сребропозлащенной ризѣ и принесъ въ даръ 1000 руб. 4% государственной рентой съ тѣмъ, чтобы 0/0 40 р. выдавались двумъ первымъ воспитанникамъ, оканчивающимъ курсъ Д. Семинаріи. Актъ прошелъ оживленно. На актѣ было много народа (представители учреждений и общества, начиная съ

Начальника Губерніи), но не было, кромѣ меня и Преосвященнаго Викарія Іосифа, другихъ Архіереевъ.

Отъ Митрофанова монастыря поднесено цѣнное въ 400 руб. Евангеліе. Духовенство Донской епархіи, получившее образованіе въ Воронежской Семинаріи, прислало оч. сочувственный и тепло написанный адресъ съ 840 руб.

Послѣ акта въ комнатахъ о. Ректора былъ обѣдъ для гостей и корпораціи, продолжавшійся чуть не до 6 час.

5 октября Преосвященный ѣздилъ въ Рамонь отблагодарить Ея Высочество за ея вниманіе къ юбилею духовной семинаріи.

„Слава Богу, пишетъ въ дневникѣ Владыка, что исполнилъ обязанность отблагодарить Ея Высочество“.

Отъ юбилея Воронежской Д. Семинаріи перехожу къ 100-лѣтнему юбилею Императорской Петроградской Дух. Академіи.

Этотъ юбилей праздновался 10 декабря 1909 года.

По случаю этого юбилея Владыка послалъ въ Совѣтъ Академіи слѣдующаго содержанія адресъ:

„Родную Академію, *alma mater*, считаю сыновнимъ долгомъ привѣтствовать съ совершившимся столѣтіемъ ея благотворнаго для церкви и отечества существованія, и отъ всей души желаю, чтобы она, *mater nostra*, была свѣтиломъ православнаго міра и солью русской земли и въ грядущее столѣтіе, и чтобы не касалось ея тлетворное дыханіе рационализма, и потому ея подѣ благотворнымъ покровомъ Церкви Божіей и подѣ руководствомъ просвѣщенныхъ руководителей мирно и усердно трудились, *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущая* (Римл. 12,16), и чтобы достигли въ мѣру возраста, достаточную для того, чтобы быть полезными и церкви и отечеству въ послѣдующей жизни“.

„Анастасій, Архіепископъ Воронежскій и Задонскій, бывший студентъ 20-го курса С.-П.Б. Академіи.

„Посылаю 100 руб. на образованіе юбилейнаго столѣтняго ученаго фонда“.

Въ томъ-же 1909 году, 13 іюня праздновался еще одинъ юбилей по случаю исполнившагося 25лѣтія со дня возстановленія церковно-приходскихъ школъ.

Въ дневникѣ Владыки такъ отмѣчено это торжество.

„По случаю совершившагося 25-тилѣтія церковно-приходскихъ школъ служилъ въ соборѣ съ 16-ю священнослужителями, членами Училищнаго Совѣта и о.о. Наблюдателями школъ, въ присутствіи курсистовъ, курсистокъ, депутатовъ отъ духовенства, съ приглашеніемъ вѣчной памяти Государю Александру III-му. Проповѣдь оч. приличную говорилъ одинъ изъ бывшихъ Наблюдателей священникъ А. Кременецкій.

Во время обѣдни школьники пѣли: „Вѣрую“, „Отче нашъ“ и „Достойно“.

Послѣ обѣдни раздавалъ школьникамъ Евангелія, молитвенники и листки.

Затѣмъ былъ въ читальномъ залѣ актъ, на которомъ былъ и. д. начальника губерніи, графъ Апраксинъ и много публики.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ юбилеевъ Владыкѣ пришлось совершить за время управленія Воронежской епархіей еще нѣсколько юбилеевъ.

Въ 1903 году былъ совершенъ 200-лѣтній юбилей со дня блаженной кончины Святителя Митрофана.

„Слава Богу за все! торжество совершено мирно и благополучно, пишетъ въ дневникѣ Владыка. На торжествѣ участвовали: Преосвященный Макарій Орловскій, Мисаиль Могилевскій, Владимиръ Оренбургскій и Преосвященный Викарій и 100 паръ священнослужителей изъ приходовъ“. На торжество былъ приглашенъ Архіепископъ Тверской Димитрій Самбикинъ, но по случаю храмоваго праздника въ

честь Св. Благовѣрнаго В. князя Михаила Тверскаго (22 ноября) и открытія 23 ноября въ Твери Братства во имя Св. Митрофана, Епискона Воронежскаго, Преосвященный отказался отъ приглашенія.“

Въ 1911 г., 13 августа былъ совершенъ 50-лѣтній юбилей со дня открытія святыхъ мощей Святителя Тихона.

„Торжество прошло, пишетъ Владыка въ дневникѣ, при численности до 75 тысячъ стеченія народа. 13-го слу жили 4 архіерея: Я, Григорій Орловскій, Владимиръ Остро-гожскій и Митрофанъ Гомельскій. На всенощномъ бдѣніи мною прочитано было житіе Св. Тихона. 14 августа былъ актъ, на которомъ учреждено въ г. Задонскѣ Братство во имя Святителя Тихона.“

Оба упомянутыя юбилейныя торжества описаны подро-бно въ мѣстной печати, а потому я не стану распространять-ся о нихъ и перехожу еще къ одному юбилею.

„1-го декабря 1903 года, пишетъ Владыка въ дневни-кѣ, исполнилось 50 лѣтъ моего служенія въ священномъ санѣ. Служилъ въ Крестовой церкви. Послѣ обѣдни напо-илъ чаемъ служившихъ со мною, въ 9^{1/2} часовъ отправил-ся въ Никольское, отклонивъ всякаго рода приемы. Поздра-вили только о. Намѣстникъ съ старшею братією и при этомъ преподнесли отъ братіи Митрофанова монастыря на храмъ Св. Владимира, устраиваемый въ Воронежѣ, 100 р.“

„Въ Никольскомъ получилъ 65 поздравительныхъ те-леграммъ и 9 письменныхъ поздравленій; получилъ поздра-вленіе отъ Оберъ-Прокурора К. П. Побѣдоносцева и Ар-хіепископа Тверскаго Димитрія.“

Братія Митрофанова монастыря понимала душу своего Владыки, и ничѣмъ она не могла такъ порадовать его въ этотъ знаменательный для него день, какъ своимъ препод-ношеніемъ на храмъ Св. Владимира.

Владыка много заботился о храмѣ Св. Владимира. По-

строить этотъ храмъ, довести его до конца было завѣтной мыслию Владыки. Особенно сталъ Владыка заботиться о храмѣ Св. Владимира, прилагать къ нему усердіе съ слѣдующаго благопріятнаго факта.

Одинъ добродѣтельный воронежскій житель Николай Игнатьевичъ Зубовъ выразилъ желаніе пожертвовать на храмъ Св. Владимира 10 даже 20 тыщъ рублей, если онъ будетъ похороненъ подлѣ храма Св. Владимира. Владыка узнавъ объ этомъ въ вечернемъ засѣданіи 27 марта 1900 года, на другой день, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, „ѣздилъ къ Начальнику губерніи и, заручившись его согласіемъ на погребеніе Н. Игн. Зубова близъ новостроющагося храма въ честь Св. Благовѣрнаго В. Князя Владимира, заготовилъ свидѣтельство съ разрѣшеніемъ похоронить старца, какъ вѣрнаго сына Церкви Божіей, близъ храма, въ случаѣ христіанской кончины.

Получивъ такую крупную сумму на сооруженіе храма, Владыка учредилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особый Комитетъ, и чтобы привлечь еще доброхотныхъ жертвователей на храмъ, обратился чрезъ Епархіальныя Вѣдомости съ воззваніемъ къ гражданамъ г. Воронежа, призывая ихъ придти своими посильными пожертвованіями на помощь Комитету въ дѣлѣ построенія храма Св. Владимира.

„Уповая, писалъ онъ въ заключеніе своего воззванія, что настоящее обращеніе не будетъ оставлено безъ добрыхъ послѣдствій, считаю долгомъ присовокупить, что денежные приношенія могутъ быть вручаемы какъ Предсѣдателю и членамъ Особаго Комитета по сооруженію храма, такъ и настоятелямъ церковей г. Воронежа“.

Не мало суммъ перешло черезъ руки Владыки на храмъ Св. Владимира. Владыка располагалъ къ тому пожертвователей при каждомъ удобномъ случаѣ.

При представленіи о.о. Благочинныхъ, Владыка всегда

просилъ ихъ внушать приходскимъ священникамъ, чтобы они сами жертвовали и своихъ прихожанъ располагали жертвовать на храмъ Св. Владимира.

Пользовался Владыка и такими случаями: при получении священнослужителями какихъ-либо наградъ: синодальныхъ наперстныхъ крестовъ, орденовъ, сана протоіерейства, онъ награжденныхъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ и во время обѣда заводилъ бесѣду о храмѣ Св. Владимира, и эти бесѣды всегда кончались тѣмъ, что участники архіерейскаго обѣда обѣщали или тутъ-же вручали посильную лепту на храмъ Св. Владимира.

Владыка и самъ много жертвовалъ на этотъ храмъ.

Подъ конецъ своей жизни, удрученный годами, а также частыми заболѣваніями, онъ тяготился уже своей каедрой и нерѣдко говорилъ: „отстроить-бы храмъ Св. Владимира, и тогда уже на покой“.

Жалость дома Св. Владимира снѣдала Владыку до самой его кончины.

Но онъ заботился не объ одномъ только храмѣ Св. Владимира. За время свыше 22-хъ лѣтняго управленія Воронежской каедрой его снѣдала *жалость* о многихъ домахъ Божіихъ. Не разъ предпринималъ онъ капитальные ремонты монастырскихъ церквей.

На одной изъ монастырскихъ дачъ (на Еманчѣ) въ 1894 году была окончена постройкой каменная церковь. Эту церковь строилъ на свой счетъ іеромонахъ Митрофанова монастыря, о. Германъ, бывший прежде продавцомъ въ монастырской иконной лавкѣ. Церковь стояла строителю не менѣе 20 тысячъ рублей. Наблюдалъ за постройкой храма архитекторъ А. М. Барановъ.

Объ этой церкви, по поводу ея освященія, Владыка писалъ слѣдующее:

„Предполагая въ пятницу (4 іюня) ѣхать на Еманчу

святить церковь, рѣшился спросить: есть-ли актъ освидѣтельствования архитекторомъ А. М. Барановымъ вновь сооруженной церкви. Таковаго акта не оказалось, то о. Намѣстникъ ѣздилъ къ А. М. Баранову за этимъ актомъ, но А. М. не только не далъ такого акта, но и рѣшительно объявилъ, что церкви святить нельзя, такъ какъ при постройкѣ ея допущены такія вещи, которыя по плану не положены.

Пріѣзжалъ вечеромъ ко мнѣ въ Троицкое о. Намѣстникъ, и—рѣшено освященіе оставить, пока архитекторъ не освидѣтствуетъ церкви. Славу Богу, что благовременно узнали о такой опрометчивости о. Германа, какъ ни горько это ему².

Далѣе въ дневникѣ Владыки записано:

„10 іюня. Въ Троицкомъ, вмѣстѣ съ сыномъ, о. Намѣстникомъ, докторомъ Страдомскимъ, былъ приглашенъ къ обѣду и А. М. Барановъ“

„13 іюня. Былъ на Еманчѣ и освятилъ новую церковь². Во время обозрѣнія епархіи Владыка, если гдѣ замѣчалъ запущенность храма, то предлагалъ священнику и прихожанамъ заняться ремонтомъ храма, а если гдѣ храмъ былъ непомястительный, то предлагалъ приступить къ постройкѣ новаго, болѣе помѣстительнаго храма, и иногда на этотъ предметъ первый давалъ свою лепту. Такъ, въ слободѣ Россоши, Острогожскаго уѣзда, на новостроющуюся Ильинскую церковь онъ внесъ свою жертву, и разъ, обозрѣвая церкви въ верстахъ 15-ти отъ сл. Россоши, нарочито заѣхалъ въ сл. Россошь, чтобы посмотрѣть, насколько успѣшно подвинулась постройка Ильинской церкви.

Снѣдала Владыку жалость и о необезпеченности духовенства епархіи. Одинъ священникъ пожаловался Владыкѣ, что его прихожане не платятъ нѣсколько мѣсяцевъ причту положеннаго ими по приговору жалованья.

— „Судиться съ прихожанами, сказалъ священникъ, я не намѣренъ. Если они послѣ суда и станутъ платить жалованье, мнѣ стыдно будетъ въ глаза имъ смотрѣть, особенно въ церкви.“

— „Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Владыка“.

— „Я просилъ-бы Васъ, Владыка, разрѣшить намъ пользоваться платой за требы, какъ это дѣлается въ другихъ приходяхъ.“

Владыка согласился и велѣлъ подать прошеніе.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого изъ Консисторіи полученъ былъ указъ, коимъ въ виду неисполненія прихожанами даннаго ими приговора о платежѣ своему причту за обязательныя требы опредѣленнаго жалованья, разрѣшается причту брать плату за обязательныя требы, по добровольному соглашенію съ прихожанами, на что прихожане съ удовольствіемъ согласились и благодарили Владыку, что онъ вывелъ ихъ изъ непріятнаго положенія относительно обезпеченія причта. Доволенъ остался и причтъ распоряженіемъ Владыки.

По вопросу обезпеченія причта въ дневникѣ Владыки читаемъ:

„13 іюня 1897 года Съѣзду духовенства (Владыка) предложилъ, чтобы они обратили серьезное вниманіе на проектъ Устава Эмеритальной Кассы для духовенства“.

„28 февраля 1891 года, пишетъ Владыка въ дневникѣ, пришелъ указъ Св. Синода объ утвержденіи устава Эмеритальной Кассы духовенства Воронежской епархіи“.

Съ этого-же года, благодаря заботливости Владыки, касса стала дѣйствовать.

Нельзя сказать, чтобы Владыка, занявшись какимъ-либо дѣломъ въ епархіи, слабѣе относился къ другому дѣлу. Нѣтъ, онъ былъ *всѣмъ вся*: съ одинаковымъ усердіемъ, съ

одинаковой энергіей онъ относился ко всѣмъ учрежденіямъ и ко всякому дѣлу въ епархіи.

Отъ 31 января 1901 года въ дневникъ Владыки записано: „Съ 8 до 10 часовъ вечера въ читальномъ залѣ Митрофанова монастыря состоялось открытіе Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета съ древлехранилищемъ. По пригласительнымъ билетамъ за моей подписью собралось болѣе 80 человѣкъ, которые приглашены быть членами Комитета, и выбраны въ Совѣтъ 7 человѣкъ изъ учредителей: А. М. Правдинъ, протоіерей В. П. Борисоглѣбскій, протоіерей А. М. Спасскій, Т. С. Рождественскій, П. В. Никольскій, священники Георгій Т. Алферовъ и о. С. А. Замахеевъ.

Были въ собраніи: Преосвященный Владимиръ, Начальникъ губерніи, П. А. Слѣпцовъ, Вице-губернаторъ, Губернскій Предводитель Дворянства.

Собрано въ пользу Комитета до 800 рублей, въ томъ числѣ 100 руб. отъ меня, 200 руб. отъ Митрофанова монастыря и 200 руб. отъ Епархіальнаго Свѣчнаго завода. Благодареніе Богу за все!“

Намѣстникъ Митрофанова монастыря
Архимандритъ Александръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Епископъ Теофанъ—Затворникъ Вышенскій, какъ православный христіанскій педагогъ

(род. 10 января 1815 г. † 6 янв. 1894 г.) ¹⁾.

III.

Чрезвычайно цѣнна и плодотворна была служебная педагогическая дѣятельность Теофана. Но еще цѣннѣе то, что оставилъ намъ святитель по вопросамъ педагогики въ своихъ сочиненіяхъ: его педагогическіе взгляды, правила и совѣты. Преосвященный Теофанъ особенно великъ, какъ педагогъ теоретикъ: во многихъ своихъ сочиненіяхъ и въ проповѣдяхъ онъ касается педагогическихъ вопросовъ, освѣщая ихъ съ христіанской точки зрѣнія, рисуетъ христіанскій идеалъ воспитанія и воспитателя, указываетъ недостатки современной ему постановки воспитательнаго дѣла въ семьѣ и школѣ и то, какъ оно должно быть поставлено; въ безсмертномъ же своемъ твореніи: „Путь ко спасенію“ онъ оставилъ спеціальнѣйшій педагогическій трактатъ о томъ, какъ начала христіанской религіи въ духѣ православной церковности могутъ быть примѣнены къ воспитанію человѣческой души по всеѣмъ ея воспитательнымъ возрастамъ. Здѣсь отмѣчены всѣ характеристическія особенности воспитательныхъ возрастовъ, детально раскрыты способы педагогическихъ воздѣйствій въ каждомъ возрастѣ, даны драгоцѣннѣйшіе совѣты христіанскимъ родителямъ, педагогамъ и самимъ воспитывающимся юношамъ, — словомъ, — начертана цѣлая наука христіанской педагогики.

„Воспитаніе, пишетъ святитель, изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ самое святое... Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука

¹⁾ Окончаніе. См. № 19.

была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными... У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподають науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность или ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука—двѣ области, рѣшительно разъединенныя. Но духъ у насъ одинъ. Онъ принимаетъ науки, и напывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру, и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онѣ не приходили въ благопріятное или непріятное соприкосновеніе здѣсь?.. Христіанскія начала несомнѣнно истинны... и потому необходимо, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всеѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія, и по духу преподаванія“... 18)

„Воспитатель, говоритъ святитель, самъ долженъ быть воспитанъ подѣ руководствомъ такихъ лицъ, кои знаютъ истинное воспитаніе не по теоріи, а по опыту... Воспитатель долженъ пройти все степені христіанскаго совершенства, чтобы впоследствии въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленіе воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ и святыхъ“... 19).

Таковъ идеаль! Но дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ ему. Касаясь современной постановки воспитанія въ семьѣ и школѣ, святитель находитъ ее существенно недостаточной, и вотъ по какимъ причинамъ: „въ 1-хъ, воспитаніе удалено отъ церкви и благодатныхъ ея средствъ. „Это заоряетъ ростокъ христіанской жизни, разобщая ее съ источниками, и она увядаетъ, какъ увядаетъ цвѣтъ, „поставленный въ темномъ мѣстѣ; въ 2-хъ, оно мало удѣляетъ вниманія къ отправленіямъ тѣлеснымъ. „Думаютъ, что

18) Путь ко спасенію, изд. 9 Москва 1908 г. стр. 44—45.

19) *ibidem*, стр. 64

„тѣло можетъ всячески развиваться безъ вреда для души:
„ между тѣмъ въ его отправленіяхъ сѣдалища страстей
„ кои вмѣстѣ съ его развитіемъ развиваются, коренятся и
„ овладѣваютъ душею; въ 3-хъ, совершенно забываетъ о духѣ:
во время обученія, при излишней заботливости о многознаніи,
не различаютъ главнаго отъ побочнаго и то *единое на потре-*
бу, чего учили искать Господь, заслоняютъ множествомъ не-
нужнаго. „Отсюда, при всей заботѣ о современнѣйшемъ
„ образованіи, ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ только разду-
„ ваютъ пытливость, своеволие и жажду наслажденій. Молит-
„ ва же, страхъ Божій, совѣсть рѣдко берутся во вниманіе.
„ Была бы исправность видимая, а тѣ внутреннѣйшія состо-
„ янія всегда предполагаются, и всегда потому оставляются
себѣ“ и т. д. Словомъ, воспитываютъ только для земли и
совершенно не думаютъ о небѣ, куда мы всѣ предназначе-
ны ²⁰⁾. Какъ всѣ эти глубокія наблюденія святителя не
утратили своего значенія и для нашего времени: такъ они
вѣрно и мѣтко характеризуютъ особенно наше свѣтское
образованіе!

Давая положительный отвѣтъ на то, какъ должно вос-
питывать обучаемыхъ, преосвящ. Теофанъ высказываетъ
замѣчательно свѣтлыя и передовыя по тому времени идеи,
какія стали достояніемъ нашего образованнаго общества
лишь значительно позже. Извѣстно, что послѣднимъ словомъ
современной педагогики признается идея воспитывающаго обу-
ченія, т. е. мысль о томъ, чтобы школа не только давала зна-
нія и обогащала умъ, но и гармонически развивала всѣ душев-
ныя способности ученика, нравственно воспитывала и обла-
гораживала его. Идея эта на западѣ появилась въ началѣ
19-го вѣка (Песталоцци, Гербертъ), а у насъ впервые
высказана лучшими представителями педагогическаго міра

²⁰⁾ Путь къ спасенію, стр. 60—62

во второй половинѣ прошлаго столѣтія (Шировъ, Ушинскій) и особенно развита въ послѣдней четверти его (Рачинскій и др.), между тѣмъ преосвящ. Теофанъ еще въ сороковыхъ годахъ того-же вѣка настойчиво проводилъ ту-же мысль въ своихъ лекціяхъ на кафедрѣ профессора столичной академіи. Вся его педагогическая система построена именно на идеѣ нравственно воспитывающаго обученія. Онъ признаетъ плодотворнымъ только то образованіе, которое развиваетъ не одинъ умъ, но и облагораживаетъ сердце. Въ своихъ сочиненіяхъ преосвященный педагогъ неоднократно и настойчиво повторяетъ эту мысль, подробно развиваетъ и авторитетно доказываетъ. Видимо, что эта идея дорога, близка его сердцу, и онъ всего болѣе желаетъ, чтобы она осуществлялась въ жизни. Характеризуя состояніе нашего новѣйшаго школьнаго обученія, на практикѣ почти исключительно занятаго обогащеніемъ и дрессировкой одного ума, преосвящ. Теофанъ остроумно замѣчаетъ, что человѣкъ, получившій его, подобенъ бездушному холодной статуѣ съ огромною головою, сидящей на короткомъ тощемъ туловищѣ и микроскопическихъ хрупкихъ ножкахъ. Чтобы уничтожить эту уродливость, святитель — педагогъ настойчиво рекомендуетъ поднять и усилить въ школахъ значеніе нравственно-воспитательнаго элемента и въ частности христіанскихъ началъ въ духѣ православной церковности. По его глубокому убѣжденію, всякая здоровая русская школа, къ какому бы типу она не принадлежала и какія бы науки въ ней не преподавались, должна неизмѣнно имѣть въ своей основѣ начала религіи и нравственности. Это не значитъ, чтобы всѣ науки, даже математику — необходимо преподавать съ религіозной точки зрѣнія, какъ того требовали въ своемъ увлеченіи ревнители и руководители отечественнаго просвѣщенія во времена господства нашего мистицизма — Магницкіе, Рунчи и др. Нѣтъ, святитель желалъ только отмѣтить, что на ряду, а еще лучше и прежде сооб-

щенія юношѣ какихъ-либо научныхъ знаній существенно необходимо дать ему здравыя понятія о важнѣйшихъ христіанскихъ истинахъ — о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и пр. Сначала нужно прочно напечатлѣть въ сознаніи и сердцѣ основныя нравственныя истины, а уже затѣмъ на этомъ прочномъ фундаментѣ строить всю систему научнаго образованія: иначе невозможно достигъ главной цѣли образованія — облагороженія сердца²¹). Вотъ подлинныя слова объ этомъ самого святителя. „Воспитать человѣка что значитъ?“ спрашиваетъ святитель и отвѣчаетъ: „это значитъ сдѣлать его такимъ, чтобы всякій о немъ могъ сказать: вотъ совершенный человѣкъ! Спрашивается, какъ это сдѣлать? Многимъ кажется достаточнымъ для этого — развивать. Развивай, говорятъ, природу. Какъ изъ сѣмени прозябшаго и раскрывшагося выходитъ дерево или цвѣтъ, въ своемъ родѣ совершенный; такъ выйдетъ и человѣкъ совершеннымъ, если развить все сокрытое въ естествѣ его. Кажется, что можетъ быть разумнѣе и основательнѣе такого положенія? А выходитъ совсѣмъ не то, что чается. Напр., развивая эстетическую сторону, окружаютъ питомца изящными предметами и самого приучаютъ къ искусствамъ. Вкусъ раскрывается мало по малу; но вмѣстѣ высказываются и разнаго рода похотствованія, и притомъ въ формахъ совсѣмъ неизящныхъ. Еще: чтобы приучить держать себя съ достоинствомъ, вводятъ въ общество и открываютъ всѣ приемы приличнаго взаимообращенія. Цѣль достигается въ нѣкоторой мѣрѣ; но вмѣстѣ видрается гордость, спѣсь, своенравіе, неприступность, презорство къ низшимъ. Также приучаютъ и къ разнаго рода предприимчивости и дѣятельности; бываетъ и въ этомъ успѣхъ; но не успѣвши ли вырастаетъ корыстность, интересанство и безжалостная

²¹) См. объ этомъ у Смирнова „Жизнь и ученіе преосвящ. Теофана“, стр. 37—38.

притязательность? Такъ и во всемъ. Что-же это значить? Не доброе ли сѣмя сѣется? И отъ чего-же плевелы?—Отъ того, что сѣмя естества нашего повреждено паденіемъ, и многое привилось къ нему неестественнаго и противоестественнаго, что однакожь наряду съ естественнымъ выказываетъ право на удовлетвореніе, прикрываясь видомъ естественности. Оттого тамъ, гдѣ безъ разбора развиваютъ все, что ни находятъ въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ сроднымъ намъ развиваютъ и несродное, и въ естествѣ нашемъ является много паразитовъ, которые не рѣдко поѣдаютъ и изсушаютъ и естественные соки. Такъ, не все надобно развивать въ насъ; а иное развивать, а иное подавлять и искоренять. И вотъ въ чемъ вся трудность воспитанія и образованія. Нѣтъ у насъ очей или зрительныхъ орудій къ тому, чтобы различить тонкія, сплетшіяся нити естественнаго и неестественнаго. А еслибъ и была возможность различить, то нѣтъ орудія или анатомическаго ножа для отдѣленія одного отъ другого. Еслибъ и это было,—нѣтъ силъ подкрѣпить и оживить сродное и заглушить несродное намъ. Такъ, пока мы одни,—съ своими только средствами, нельзя ожидать прочнаго успѣха въ образованіи сердца. И здѣсь-то осмотрительный воспитатель вполне чувствуетъ крайнюю нужду въ сверхестественной помощи. И она готова—въ Церкви Божіей, въ св. ея таинствахъ и всѣхъ освятительныхъ учрежденіяхъ. Божественная благодать, сообщаемая и возгрѣваемая ими, проникая внутрь насъ, раздѣляетъ сродное намъ отъ несроднаго, и соединяясь съ первымъ, укрѣпляетъ его и оживляетъ, а отрѣвая послѣднее, изсушаетъ и истребляетъ его. Потому, кто растетъ подѣ дѣйствіемъ ихъ, тотъ безъ особенныхъ усилій со стороны родителей и воспитателей, кромѣ необходимыхъ предостереженій, является, по вступленіи на поприще дѣятельности, съ чувствами и расположеніями чисто человѣческими (или—что тоже—истинно

христіанскими), безъ примѣси уродливыхъ неестественностей, унижающихъ человѣчество“²²⁾.

Такъ устанавливаетъ преосвящ. Теофанъ основной принципъ всякой здоровой педагогики, и христіанской въ особенности: воспитаніе должно быть основано и вестись на началахъ христіанскихъ въ духѣ церковномъ. Это—альфа и омега всей христіанской педагогической науки! Но святитель-педагогъ, какъ сказано уже, не ограничивается однимъ общимъ указаніемъ принципа, а детально разрабатываетъ его въ цѣлой педагогической системѣ въ своемъ сочиненіи: „Путь ко спасенію“. Главныя положенія этой системы таковы: христіанское воспитаніе должно начинаться съ самаго рожденія младенца и состоять въ оживленіи и развитіи того сѣмени духовной жизни, которое полагается въ немъ св. крещеніемъ. Къ этому должны сводиться всѣ воспитательныя воздѣйствія родителей. Затѣмъ христіанское воспитаніе неуклонно должно быть продолжено въ томъ-же духѣ чрезъ всѣ воспитательныя возрасты до полной зрѣлости человѣка; православная церковность и при этомъ есть главное и незамѣнимое средство и должна быть примѣняема широко и разнообразно на всѣхъ ступеняхъ образованія. Главное значеніе въ дѣлѣ воспитанія имѣетъ начальный дѣтскій возрастъ и родительское вліяніе и руководство, такъ что безъ правильной постановки родительскаго воспитанія святитель находитъ невозможнымъ достигнуть какихъ либо добрыхъ результатовъ впослѣдствіи и все дѣло христіанскаго воспитанія считаетъ потеряннымъ. Этимъ онъ возлагаетъ на родителей столь великую отвѣтственность за судьбу своихъ дѣтей, что никакой здравомыслящій родитель, сознавъ это, не можетъ уже равнодушно и легкомысленно отнестись къ лежащему на немъ святому долгу.

²²⁾ Слова къ Тамбовск. паствѣ, Книга 1-я, стр. 21—23.

Это-великій урокъ всѣмъ христіанскимъ родителямъ! Но, возлагая прежде всего на родителей долгъ христіанскаго воспитанія дѣтей, святитель не освобождаетъ отъ него и школьныхъ воспитателей: школа должна сохранить и развить заложенный въ дѣтствѣ первоосновы христіанскаго воспитанія, иначе и добрыя начала родительскаго воспитанія могутъ погибнуть. Долгъ родителей и долгъ школьныхъ воспитателей, по ученію святителя, общій и общая у нихъ отвѣтственность за дѣтей предъ судомъ совѣсти и Божьимъ. Это— великій урокъ всѣмъ педагогамъ!

Для подробнаго ознакомленія съ наукой христіанской педагогики необходимо прочитать и перечитать самое это дивное сочиненіе святителя: „Путь ко спасенію“. Мы же для примѣра или образца приведемъ лишь два особенно замѣчательныхъ мѣста изъ этого сочиненія подлинными словами святителя,—одно, гдѣ говорится о томъ, какъ съ самаго начала жизни младенца должно закладывать въ душу его религіозныя основы, этотъ краеугольный камень христіанскаго воспитанія, и другое,—гдѣ анализируется святителемъ юношескій возрастъ, изображаются его типическія черты и опасности, угрожающія ему въ нравственномъ отношеніи. Здѣсь же даны драгоцѣннѣйшія наставленія педагога—святителя всѣмъ христіанскимъ юношамъ.

„Младенецъ живетъ, пишетъ святитель, слѣдовательно можно вліять на его жизнь. Здѣсь приложими св. Тайны, за ними вся церковность; и съ ними вмѣстѣ вѣра и благочестіе родителей.

„Все сіе, въ совокупности, составитъ спасительную вокругъ младенца атмосферу. Всѣмъ симъ таинственно наитвуется благодатная жизнь, зачатая въ младенцѣ.

„Частое причащеніе св. Христовыхъ Тайнъ (можно прибавить: сколь можно частое) живо и дѣйственно соединяетъ съ Господомъ новый членъ Его, чрезъ пречистое Тѣло

и Кровь Его, освящаетъ его, умиротворяетъ въ себѣ и дѣ-
ляетъ неприступнымъ для темныхъ силъ. Поступающіе та-
кимъ образомъ замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда прича-
щаютъ дитя, оно бываетъ погружено въ глубокой покой,
безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей,
даже тѣхъ, кои въ дѣтахъ сильнѣе дѣйствуютъ. Иногда оно
исполняется радостью и играніемъ духа, въ коемъ готово
всякаго обнимать, какъ своего. Перѣдко св. причащеніе
сопровождается и чудодѣйствіями. Св. Андрей Критскій въ
дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители
обратились къ молитвѣ и благодатнымъ средствамъ, то во
время причащенія Господь благодатию своею разрѣшилъ узы
языка, послѣ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и
премудрости. Одинъ докторъ по своимъ наблюденіямъ сви-
дѣтельствовалъ, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней
слѣдуетъ носить дѣтей къ св. причащенію, и очень рѣдко
имѣлъ нужду употреблять потомъ медицинскія пособія.

„Большое вліяніе имѣетъ на дѣтей частое ношеніе въ
церковь, прикладываніе къ св. Кресту, Евангелію, иконамъ,
накрываніе воздухами; также и дома—частое поднесеніе
подъ иконы, частое осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, окроп-
леніе св. водою, куреніе ладономъ, осѣненіе крестомъ ко-
лыбели, пища и всего прикасающагося къ нимъ, благосло-
веніе священника, приношеніе въ дома иконъ изъ церкви,
молебны; вообще—все церковное чуднымъ образомъ возгрѣ-
ваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти, и всегда есть
самая безопасная и непроницаемая ограда отъ покушенія
невидимыхъ темныхъ силъ, которыя всюду готовы проник-
нуть въ развивающейся только душѣ, чтобы своимъ дыха-
ніемъ заразить ее.

„Подъ этимъ видимымъ охраненіемъ есть невидимое:
Ангель-Хранитель, Господомъ приставленный къ младенцу
съ самой минуты крещенія. Онъ блюдетъ его, своимъ при-

существомъ невидимо вліяетъ на него и въ нужныхъ случаяхъ внушаетъ родителямъ, что надо сдѣлать съ находящимся въ крайности дѣтишемъ.

„Но всѣ эти столь крѣкія ограды, эти сильныя и дѣйствительныя вѣртія могутъ разорить и лишитъ плода невѣріе, небрежность, нечестіе и недобрая жизнь родителей²³⁾).

Характеристика юности. „Рѣка жизни нашей, пишетъ святитель, пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрокъ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнью. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ. Самая беспорядочность и порывистость движеній опасна. Начинаются первыя его собственныя движенія—начатки пробужденія его силъ, и имѣютъ для него всю прелесть: силою своего вліянія они вытѣсняють все, что прежде было положено на мысль и сердце. Превъсѣнное для него станетъ мечтой, предразсудкомъ. Только настоящія чувства истинны, только они имѣютъ дѣйствительность и значеніе... Что-же сказать о томъ юношѣ, который не только не любитъ христіанской жизни и истины, но даже никогда не слышалъ о нихъ?

„Въ этомъ случаѣ онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію, или сухой хворостъ, преданный горѣнію въ огнѣ. Когда своеволю юношеской мысли на все кидаетъ тѣнь сомнѣнія, когда сильно тревожатъ его возбужденія страстей, когда вся душа наполняется искусительными мыслями и движеніями,—юноша въ огнѣ. Кто дастъ ему каплю росы для прохлады, или подастъ руку помощи, если изъ сердца не выйдетъ голосъ за истину, за добро и чистоту? А онъ не выйдетъ, если любовь къ нимъ не посе-

²³⁾ Путь ко спасенію, стр. 25—26.

лена прежде. Даже совѣты въ этомъ случаѣ не помогутъ. Ихъ не къ чему привить...

„Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это то же, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ водѣ! Что броженіе вскисающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юноши. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подаетъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстройство, такъ и совокупность этихъ голосовъ то же, что беспорядочные крики шумной толпы. Что-жъ будетъ съ юношею, если онъ напередъ не приученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и подчиняться нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ? Если же эти начала глубоко напечатлѣны въ сердцѣ въ первоначальномъ воспитаніи и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души.

„Какими мы выходимъ изъ лѣтъ юношескихъ, очень много зависитъ оттого, какими вступаемъ въ нихъ. Вода, падающая съ утеса, кипитъ внизу и клубится, а потомъ идетъ уже тихо разными протоками. Это — образъ юности, въ которую каждый ввергается, какъ вода въ водопадъ. Изъ нея выходятъ два порядка людей: одни сіяютъ добротой и благородствомъ; другіе омрачены нечестіемъ и развратомъ; а третій — средній классъ, смѣсь добра со зломъ, коимъ подобіе — головня изъ огня, кои склоняются то на добро, то на зло, какъ испорченные часы то идутъ вѣрно, то бѣгутъ или отстаютъ...²⁴⁾

„И сама по себѣ юность опасна; но къ этому присоединяются еще два, свойственныя этому возрасту, влече-

²⁴⁾ Путь ко спасенію, стр. 49—52.

нія, отъ которыхъ юношескія возбужденія сильнѣе разгораются и пріобрѣтають большую силу и опасность. Это: жажда впечатлѣній и склонность къ общенію

„Жажда впечатлѣній сообщаетъ нѣкоторую стремительность, непрерывность и разнообразіе дѣйствіямъ юноши. Ему хочется все испытать самому, все видѣть, вездѣ побывать. Ищите его тамъ, гдѣ есть блескъ для очей, гармонія для слуха, просторъ для движенія. Онъ хочетъ быть подъ непрерывнымъ потокомъ впечатлѣній, всегда новыхъ и потому разнообразныхъ. Ему не сидится дома, не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не внимаетъ одному предмету. Его стихія—развлеченія. Но этого для него мало: онъ не довольствуется дѣйствительнымъ, личнымъ испытаніемъ, а хочетъ извѣдать, что чувствовали, какъ дѣйствовали другіе сами по себѣ, или въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Затѣмъ онъ кидается изъ книги и начинаетъ читать; перебираетъ одну книгу за другою, часто не разбирая содержанія ихъ; у него главное—найти такъ называемый эффектъ, изъ какого бы рода вещей онъ ни былъ и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро—самая лучшая для него рекомендація книгъ. Такъ образуется склонность къ легкому чтенію—та же жажда впечатлѣній, только въ другомъ видѣ. Но и здѣсь еще не все. Юноша часто наскучиваетъ дѣйствительнымъ тѣмъ, что какъ бы навязываютъ ему со стороны: это связываетъ его и заключаетъ слишкомъ въ опредѣленныхъ границахъ, а онъ ищетъ нѣкоторой свободы. Затѣмъ онъ часто отрывается отъ дѣйствительнаго, уходитъ въ свой созданный міръ и тамъ начинаетъ дѣйствовать на славу. Фантазія строитъ ему цѣлыя исторіи, гдѣ большею частію герой—онъ самъ... Такъ образуется мечтательность.

„Мечты, легкое чтеніе, развлеченія, все это одно почти по духу—дѣти жажды впечатлѣній, жажды новаго, разнообразнаго. И вредъ отъ нихъ одинаковъ. Ничѣмъ нель-

зи лучше заморить добрыхъ сѣмянъ, подоженныхъ прежде на сердцѣ юноши, какъ ими. Молодой цвѣтъ, посаженный на такомъ мѣстѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуютъ на него вѣтры, немного потерпитъ и засохнетъ; трава, по которой часто ходятъ, не растетъ; часть тѣла, которую подвергаютъ долгому тренію, нѣмѣетъ. Тоже бываетъ и съ сердцемъ и съ добрыми въ немъ расположеніями, если предаться мечтамъ, или пустому чтенію, или развлеченіямъ... Отчего, возвратившись въ себя послѣ какого—нибудь разсѣянія, душа начинаетъ тосковать? Оттого, что находитъ себя окраденною. Разсѣянный сдѣлалъ душу свою большою дорогою, по которой, чрезъ воображеніе, какъ тѣни проходятъ соблазнительные предметы и манятъ за собою душу. Но тогда, когда она такимъ образомъ оторвется какъ бы отъ себя, тайно подходитъ діаволъ, уноситъ доброе сѣмя и полагаетъ злое. Такъ учитъ Спаситель, когда объясняетъ, кто похищаетъ посѣянное при пути, и кто есть *всѣявый плевелы*. То и другое врагъ человѣчъ творить.

„Итакъ, юноша! Желательно тебѣ сохранить чистоту и невинность дѣтства? Сколько есть силъ и благородумія, удерживайся отъ развлеченій, беспорядочнаго чтенія соблазнительныхъ книгъ и мечтаній! Какъ хорошо подчинить себя въ этомъ случаѣ строгой и престогаой дисциплинѣ и быть во все время юношества подъ руководительство! Тѣхъ юношей, коимъ не позволяютъ распоряжаться своимъ поведеніемъ до возмужалости, можно назвать счастливыми ²⁵⁾).

„Вторая, столь же опасная, склонность у юноши есть склонность къ общенію... Юношескій возрастъ есть время живыхъ чувствъ. Они у его сердца—какъ приливъ и отливъ у береговъ моря. Его все занимаетъ, все удив-

²⁵⁾ Путь къ спасенію 53—54

ляетъ. Природа и общество открыли предъ нимъ свои сокровища. Но чувства не любятъ быть скрытыми въ себѣ, и юноша хочетъ дѣлиться ими. Затѣмъ имѣетъ нужду въ лицѣ, которое бы могло раздѣлять его чувства, т. е. въ товарищѣ и другѣ. Потребность благородная, но она можетъ быть и опасною! Кому ввѣряешь свои чувства, тому даешь нѣкоторымъ образомъ власть надъ собою. Какъ же надобно быть осторожнымъ въ выборѣ близкаго лица! Встрѣтишь такого, который далеко-далеко можетъ завести отъ прямого пути... Хорошо не заключить дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше имѣть первымъ другомъ отца или того, кто во многомъ замѣняетъ отца, или кого изъ родныхъ — опытнаго и добраго... Не столько, впрочемъ, опасности въ дружбѣ, сколько въ товариществѣ. Рѣдко видимъ друзей, но больше знакомыхъ и пріятелей. А здѣсь сколько возможно и сколько бываетъ зла! Есть кружки пріятельскій съ очень недобрыми правилами. Склонившись къ нимъ, не замѣтишь, какъ объединишься съ ними въ духѣ, подобно тому, какъ незамѣтно наполнишься смрадомъ въ смрадномъ мѣстѣ. Они сами часто теряютъ сознание непотребства своего поведенія, и спокойно грубѣютъ въ немъ. Если и пробуждается въ комъ это сознание, онъ не имѣетъ силъ отстать. Каждый опасается объявить о томъ, ожидая, что его послѣ всюду будутъ преслѣдовать колкостями, и говорятъ: „такъ и быть, можетъ быть пройдетъ“. *Тягъъ обычайъ благи беспды злы.* Избави, Господи, всякаго отъ этихъ глубинъ сатанинскихъ!

„Самый верхъ опасностей для юноши — отъ обращенія съ другимъ поломъ. Тогда какъ въ первыхъ соблазнахъ юноша только сбивается съ прямою пути, здѣсь онъ, кромѣ того, теряетъ себя. Въ первомъ своемъ пробужденіи дѣло это смѣшивается съ потребностью прекраснаго... Юноша ищетъ будто прекраснаго, т. е. идеальнаго, неземнаго, а

между тѣмъ встрѣчается съ дочерью человѣческой и ею уязвляется. Этого то уязвленія больше всего надлежитъ избѣгать юношѣ, потому что это есть болѣзнь, и болѣзнь тѣмъ опаснѣйшая, что больному хочется болѣть до безумія ²⁶⁾).

„Какъ отвратить эту изву? Не ходи тѣмъ путемъ, которымъ доходятъ до уязвленія. Путь этотъ вотъ какъ изображенъ въ одной психологii. Онъ имѣетъ три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвѣстно о чемъ и отчего, отзывающееся, однакожъ, тѣмъ особенно, что будто онъ одинъ. Это—чувство одиночества. Изъ этого чувства тотчасъ отражается другое—нѣкоторая жалость, нѣжность и вниманiе къ себѣ. Прежде онъ жилъ, какъ бы не замѣчая самъ себя. Теперь онъ обращается къ себѣ, осматриваетъ себя и всегда находитъ, что онъ не худъ, не изъ послѣднихъ, есть лице стоящее: начинаетъ чувствовать свою красоту, прiятность формъ своего тѣла, или—нравится себѣ. Этимъ оканчивается первое движенiе соблазна къ себѣ. Съ этихъ поръ юноша обращается къ внѣшнему міру.

2) Это вступленiе во внѣшнiй міръ воодушевляется увѣренностью, что онъ долженъ нравиться другимъ. Въ сей увѣренности онъ смѣло и какъ бы побѣдительно выходитъ на поприще дѣйствiя, и, можетъ быть, впервые поставляетъ себѣ закономъ опрятность, чистоту, нарiальность до щегольства; начинаетъ бродить или искать знакомствъ, какъ будто безъ опредѣленной цѣли, по тайному, однакожъ, влеченiю чего-то ищущаго сердца, и при томъ старается блистать умомъ, прiятностью въ обращенiи,—вообще всемъ, чѣмъ надѣется нравиться. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ всю волю преимущественному органу душеобщенiя—глазу.

3) Въ этомъ настроенiи онъ похожъ на порохъ, поставленный подъ искры, и скоро встрѣчается съ своею болѣзнию. Взоромъ очей или голосомъ особенно прiятнымъ, какъ стрѣлою пораженный или подстрѣленный, стоитъ онъ сначала нѣсколько въ изступленiи и остолбененiи, отъ котораго, пришедши въ себя и опомнившись, находитъ, что его

²⁶⁾ Путь ко спасенiю, стр 55—56.

вниманіе и сердце обращены къ одному предмету и влекутся къ нему съ непреодолимою силою. Съ этой поры сердце начинаетъ снѣдаться тоскою; юноша унылъ, погруженъ въ себя, занятъ чѣмъ-то важнымъ, ищетъ, какъ будто что потерялъ, и что не дѣлаетъ, дѣлаетъ для одного лица, и какъ бы въ присутствіи его. Онъ точно потерянный; сонъ и ѣда нейдутъ ему на умъ; обычныя дѣла забыты и приходятъ въ разстройство; ему ничто не дорого. Онъ боленъ лютою болѣзнію, которая щемитъ сердце, стѣсняетъ дыханіе, сушитъ самые источники жизни.—Вотъ постепенный ходъ увязленій! И само собою видно, чего должно опасаться юношѣ, чтобы не впасть въ эту бѣду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвѣстниковъ—неопредѣленную грусть и чувство одиночества. Дѣлай имъ наперекорь: стало грустно—не мечтай, а начни дѣлать что нибудь серьезное со вниманіемъ—и пройдетъ!.. Какая надежная въ семь случаѣ ограда—строгая дисциплина во всемъ, трудъ тѣлесный и еще болѣе головной! Усиль занятія, сиди дома, не развлекайся! Нужно выйти,—храни чувства, бѣгай другого пола, главное же—молись!.. ²⁷⁾

„ Кромѣ этихъ опасностей, вытекающихъ изъ свойствъ юношескаго возраста, есть еще двѣ: во 1-хъ,—настроеніе, по которому до небесъ возносится знаніе разсудочное, или своеобразное постиженіе. Юноша считаетъ преимуществомъ—на все налагать тѣнь сомнѣнія, и все то ставитъ въ сторонѣ, что не совпадаетъ съ мѣркою его пониманія. Этимъ однимъ онъ отсѣкаетъ отъ сердца все настроеніе вѣры и Церкви, слѣдовательно, отпадаетъ изъ нея и остается одинъ. Ища замѣны оставленному, кидается на теоріи, построенныя безъ соображенія съ Откровенною истиною, опутываетъ себя ими, и изгоняетъ изъ своего ума всѣ истины вѣры. Еще больше бѣды, если поводъ къ тому подаетъ преподаваніе наукъ въ училищахъ и если подобный духъ становится тамъ преобладающимъ. Думаютъ обладать истиною, а набираются туманныхъ идей, пустыхъ, мечтательныхъ, большею частію противныхъ даже здравому смыслу, которыя, однакоже, увлекаютъ неопытныхъ и становятся идоломъ для юноши любо-

²⁷⁾ Путь ко спасенію, стр. 57—58.

знательнаго. Во 2-хъ,—свѣтскость. Пусть она можетъ представлять яѣчто полезное, но преобладаніе ея въ юношѣ пагубно. Она знаменуется жизнію по впечатлѣніямъ чувствъ, такимъ состояніемъ, въ коемъ человекъ мало бываетъ въ себѣ, а все почти во внѣ, или дѣломъ, или мечтою. Съ такимъ настроеніемъ невидать внутреннюю жизнь и тѣхъ, которые говорятъ о ней и живутъ ею. Истинные христіане для нихъ мистики, запутавшіеся въ понятіяхъ, или лицемѣры и проч. Разумѣть истину мѣшаетъ имъ духъ міра, качествующій въ кругу свѣтской жизни, соприкасаться которой позволяютъ невозбранно и даже совѣтуютъ юношамъ. Этимъ соприкосновеніемъ міръ, со всѣми своими растлѣнными понятіями и обычаями, набивается въ воспримчивую душу юноши... и отпечатлѣвается на ней, какъ на воскѣ,—и онъ невольно становится чадомъ его. А это чадство противно чадству Божію во Христвъ Исусѣ.

„Вотъ опасности для юношей отъ юности! заключаетъ рѣчь о семъ святитель. И какъ трудно устоять!... Кто прошелъ безопасно юношескія лѣта, тотъ какъ будто переплылъ бурную рѣку и, оглянувшись назадъ, благословляетъ Бога. А иной со слезами на глазахъ, въ раскаяніи, обращается назадъ и окаяваетъ себя. Того никогда не воротишь, что потеряешь въ юности“²⁸⁾.

Таково педагогическое ученіе приснопамятнаго свиттеля Теофана!

Воспроизводя теперь въ цѣломъ все сказанное о воспитаніи, педагогической дѣятельности и педагогическихъ ученыхъ трудахъ преосвящ. Теофана и съ благоговѣніемъ вспоминая при этомъ блаженную кончину его, нельзя не преклониться предъ исключительной личностью и заслугами этого поистинѣ великаго православнаго христіанскаго педагога и учителя русской церкви. Преосвященный Теофанъ первый у насъ на Руси поставилъ христіанскаго воспитанія на научную почву и въ собственномъ смыслѣ создалъ науку христіанской педагогики... и не только создалъ, но и сдѣлалъ эту науку общимъ достояніемъ, ибо его трактатъ

²⁸⁾ Путь ко спасенію стр. 59—60.

о воспитаніи, какъ и все его сочиненіе: „Путь ко спасенію“ доступны пониманію не только ученыхъ, но и обыкновенныхъ грамотныхъ простолюдиновъ. И что еще особенно важно, прежде чѣмъ раскрыть науку о христіанскомъ воспитаніи, святитель, по наставленію евангельскому, самъ сотворилъ все, о чемъ училъ. Въ этомъ-то и скрывается тайна особаго обаянія его личности и его ученія. Подобно слову св. Тихона Задонскаго, котораго преосвящ. Теофанъ особенно чтить, которому и старался подражать, слово преосвящ. Теофана не просто наставляетъ слушателя, а трогаетъ, захватываетъ его душу и убѣждаетъ съ великою силою.

Память о святителѣ Теофанѣ, конечно, никогда не исчезнетъ у тѣхъ, кому дороги интересы духовной жизни и интересы духовной школы. Напротивъ, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе растетъ почитаніе къ нему и въ широкихъ слояхъ русскаго общества. Нашъ же долгъ по отношенію къ святителю не только вспоминать о немъ и учиться у него, но и молиться за него Богу, да воздастъ Онъ всемилосердный ему, что обѣщано *тѣмъ, кто сотворитъ и научитъ, въ царствіи небесномъ.* (Мѡ. V, 19)

Протоіерей *Т. Крутиковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Рѣчь во вторую годовщину со дня смерти Архіепископа Анастасія, читанная въ собраніи Воронежскаго Церковнаго Историко-Архіологич. Комитета 1 мая 1915 г.—Намѣстника Митроф. монастыря *Архимандр. Александра.*
Епископъ Теофанъ—Затворникъ Вышенскій, какъ православный христіанскій педагогъ.—Протоіерея *Т. Крутикова.*

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ*

Печатать дозволяется. 24 мая 1915 г. Цензоръ Протоіерей А. Сласскій.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и В», В. Дворянская ул. д. Сомова